

Александр Баженов

**Бажник Семь сфер.
Книга 1. От корня до
короны**

Александр Баженов

**Бажаник Семь сфер. Книга
1. От корня до короны**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник Семь сфер. Книга 1. От корня до короны /
А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Артём — обычный московский курьер двадцати двух лет с просроченными платежами, брошенной учёбой и чувством, что жизнь утекает сквозь пальцы. Всё меняется в один дождливый вечер, когда повторяющийся сон о фантастическом городе приводит его к старому бабушкиному сундуку, а в нём — к таинственной книге без названия. «Семь сфер Абсолюта. От корня до короны. Пробуди — и станешь тем, кем был до рождения» — гласит надпись на первой странице. Но у Артёма есть то, чего нет у хранителей. Рядом с ним — Алиса, девушка-художница, способная видеть ауры и любить без условий. Именно её любовь становится якорем, не дающим душе раствориться в пучине всемогущества. Мистический роман-взросление о природе силы и ответственности, о тонкой грани между эго и духом, и о том, что единственная сила, не требующая жертв, — это любовь. История для тех, кто ищет большее, нежели просто магия, и верит, что любая тьма рассеивается, если рядом горит родное сердце.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 1 Пролог. Сон наяву	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Баженов

Бажаник Семь сфер. Книга

1. От корня до короны

Книга 1 Пролог. Сон наяву

Артёму снился город, которого не существовало. Дома из полупрозрачного камня пульсировали ровным жемчужным светом, по улицам текли реки золотистого тумана, а в небе висели сразу три луны — алая, лиловая и серебряная. Он стоял на площади, мощенной плитками с непонятными символами, и понимал, что может дышать этим туманом, как воздухом. В центре площади возвышался обелиск высотой с двадцатиэтажный дом, и внутри обелиска, словно в коконе, спал человек с лицом самого Артёма.

Он хотел подойти ближе, но ноги не слушались. Тогда зазвучал Голос — не в ушах, а где-то глубоко в позвоночнике, в основании черепа:

— Семь сфер, семь ключей, семь дверей. Ты стоишь у первой. Хватит ли смелости открыть?

Голос был похож на шёпот осеннего дождя по карнизу. Артём попытался ответить, но из горла вырвался лишь бесплотный вздох. И сразу всё исчезло.

Пробуждение выдернуло его в серую действительность. За окном съёмной однушки на седьмом этаже спального района Москвы моросил октябрьский дождь — тот самый, из сна. В комнате пахло вчерашней пиццей и сыростью, а на смартфоне высветилось оповещение о просроченном платеже за интернет. Двадцать два года, курьерская зарплата, брошенная учёба в политехе, долги и чувство, будто жизнь просачивается сквозь пальцы. Никаких тебе золотых туманов. Но сон запомнился слишком ярко, до рези в висках. И ещё — странное жжение в ладонях, которое не проходило всё утро.

Лирическое отступление первое: о бабушке и старой книге

Моя бабушка, Мария Васильевна, говорила: «Жизнь — это книга, которую мы пишем сами, но чернила нам подаёт судьба». Она часто повторяла слова, когда-то прочитанные у Экзюпери: *«Самого главного глазами не увидишь — зорко одно лишь сердце»*. Эти слова стали для неё девизом. Она была женщиной удивительной — в войну служила радисткой, потом стала врачом, а на пенсии ударилась в эзотерику. Соседи считали её блаженной, а я любил слушать её рассказы о тонких мирах, о невидимых нитях, связующих всё живое. Бабушка никогда не повышала голоса, но от неё веяло такой внутренней силой, что даже задирстые мальчишки во дворе замолкали, когда она проходила мимо.

Особое место в бабушкиных рассказах занимали талисманы. Она не носила золота, но всегда имела при себе несколько амулетов: гладкий речной камень с дырочкой — «куриный бог», защищающий от бед, маленький кожаный мешочек с сушёными травами на шее — от дурного глаза, и перстень с мутным агатом, который, по её словам, приманивал нужных людей и отводил недобрых. «Вещь, которую долго носят с молитвой или доброй мыслью, перестаёт быть просто вещью, — объясняла она. — Она пропитывается нашим намерением, как губка водой, и начинает дышать в унисон с миром». Вспоминался и Карл Густав Юнг, веривший, что символы обладают собственной жизнью: *«Символ — это видимый знак невидимой реальности»*. Ребёнком я не понимал, как камень может дышать. Теперь — начинаю догадываться.

Она умерла пять лет назад. Вещи перевезли ко мне, но старый её сундук я так и не открывал — думал, там ветошь. И вот, спустя годы, именно в тот дождливый вечер после странного сна я зачем-то полез в кладовку. Точно кто-то позвал.

Крышка поддавалась удивительно легко, словно ждала. Внутри, среди пожелтевших кружев и статуэток из слоновой кости, лежала книга в переплёте из тёмной, почти чёрной кожи. Ни названия, ни автора. Запах от неё шёл сухой и пряный, как от старых церковных фолиантов. А под книгой, завернутый в бархат, покоился серебряный кулон в виде семилучевой звезды, вписанной в круг. На обороте — надпись на санскрите: *«Семь сфер да пробудятся в свой черёд, и ни одна прежде другой»*. Я надел его на шею, и металл сразу стал тёплым, будто ждал прикосновения много лет. Позже я узнаю, что этот кулон служит одновременно оберегом и якорем, удерживающим сознание во время выхода в астрал. Но это будет потом.

На первой странице книги — семь окружностей, вложенных одна в другую, и надпись на странной смеси русского и санскрита:

«Семь сфер Абсолюта. От корня до короны. Пробуди — и станешь тем, кем был до рождения».

В тот вечер я не пошёл на смену. Я читал до рассвета, и каждая строка отзывалась гудением в груди. А самое удивительное — бабушкин почерк на полях, пояснения, сделанные выцветшими чернилами: «Не форсируй», «Сперва полюби себя», «Помни: сила — лишь эхо любви». И ещё пометка возле рисунка звезды: «На себе держи всегда. Защитит, когда сферы разомкнутся». Будто она знала, что я найду эту книгу и этот кулон.

Глава 1. Первая сфера: Корень

Книга описывала семь энергетических центров. Первая сфера — Муладхара, Корень, красный пульсирующий сгусток в основании позвоночника. Она связывала человека с физическим миром, давала выносливость, здоровье, неуязвимость тела. Чтобы пробудить её, требовалось пройти через боль и страх смерти.

Начал я, как советовала книга, с простого: каждый вечер садился на пол, закрывал глаза и концентрировался на красной точке внутри таза. Там было глухо и пусто, как в заброшенном подвале. Представлял корни, уходящие от копчика в землю, впитывающие силу планеты. Ничего не происходило. Неделя, вторая, месяц — всё та же глухая пустота.

Бабушкин кулон я не снимал. Иногда, прижав его к груди, я чувствовал лёгкое покалывание, словно звезда резонировала с чем-то внутри. Теперь я понимаю: настоящий амулет — это не магический предмет из сказки, а аккумулятор внимания. Он напоминает телу и духу об избранном пути, фиксирует намерение, не давая расплескаться в суете. Как говорил Лао-Цзы: *«Путь в тысячу ли начинается с первого шага»*, и мой первый шаг был сделан, когда я надел эту звезду.

Работа курьером выматывала. Я мотался по городу на велосипеде, вдыхая выхлопные газы, мок под дождём, ругался с операторами колл-центра, которые вечно срезали время на доставку. Единственная отдушина — вечерние медитации. Я уже почти отчаялся, списал всё на эзотерический бред. Но однажды, в начале ноября, случилось то, что всё изменило.

Стоял холодный промозглый вечер. Я нёсся с заказом по скользкому асфальту набережной Москвы-реки. Навстречу — поток машин, фары размыты пеленой мороси. И вдруг из-за поворота вылетела чёрная иномарка, не успев затормозить. Удар, скрежет металла, полёт через руль. Помню только чувство полной, ледяной беспомощности и мысль: «Вот и всё». Я рухнул спиной на бордюр и врезался позвоночником в бетонный столбик. Должны были лопнуть рёбра, сломаться хребет.

Но в момент удара внутри взорвался красный шар. Всё тело пронзила обжигающая волна, кости, казалось, запели, а мышцы стали тугими, как стальные канаты. Я не просто выжил — я встал без единой царапины. Асфальт вокруг меня пошёл трещинами, будто по нему ударили кувалдой. Водитель иномарки, выскочивший из машины, смотрел на меня, раскрыв рот, хватая воздух, как рыба. А кулон на шее раскалился так, что я испугался ожога, но кожу он не тронул — только пульсировал жаром в такт сердцу.

— Ты... ты как? — выдавил водитель.

Я сам не понимал как. Внутри всё дрожало, но не от страха — от избытка силы. Муладхара открылась полностью. Я чувствовал каждую клетку тела. Мог замедлить пульс, мог задержать дыхание на неопределённый срок, мог согнуть пальцами стальной прут (и позже проверил — действительно мог). Физический мир стал послушной глиной.

Но, как предупреждала книга, вместе с силой пришло испытание — гнев. Яростный, первобытный гнев, который хотелось выплеснуть на обидчиков. Тот самый водитель, что чуть не убил меня, начал оправдываться, мол, тормоза отказали. Во мне поднялась тёмная волна: ударить, разорвать, наказать. Я едва сдержался, стиснув зубы до скрежета, и в этот миг звезда на груди ощутимо похолодела, будто осаживая. Вспомнились слова Будды: *«Победи гнев — и ты победишь смерть»*. Я убежал домой, заперся в ванной и дышал по методике из книги, пока ярость не схлынула. Теперь я знал: сон был правдой. И бабушка тоже была права.

Глава 2. Вторая сфера: Эмоции

Вторая сфера — Свадхистхана, оранжевая, располагалась чуть ниже пупка. Она управляла эмоциями, желаниями и связями между людьми. Пробудивший её обретал эмпатию такой глубины, что мог чувствовать чужую боль как свою, и, наоборот, проецировать собственные эмоции вовне, заражая ими окружающих. Искушение — похоть и эмоциональная зависимость.

С прокачкой второй сферы дело пошло быстрее. Видимо, первая запустила каскад. Я начал видеть над людьми цветные ореолы: грязно-жёлтый у обзлённого соседа сверху, что вечно сверлил стены; мутно-серый у уставшей кассирши в супермаркете; ярко-розовый, сияющий юностью у влюблённой парочки на скамейке. Эти ореолы мерцали, переливались, и я мог, сосредоточившись, читать скрытые чувства.

А потом я научился менять эти ореолы. Сначала случайно — успокоил плачущего ребёнка в очереди, просто представив тёплую, как летний ветер, волну. Ребёнок затих, улыбнулся сквозь слёзы. Мать недоумённо пожала плечами. Потом — осознанно: погасил вспышку ярости у пьяного дебошира в переходе метро, и тот мирно заснул, свернувшись калачиком прямо на холодных плитках.

Лирическое отступление второе: о талисманах сердца

В эзотерических традициях вторую сферу часто связывают с амулетами любви. Не теми, которыми привораживают насильно, а теми, что помогают сердцу открыться. Моя бабушка носила на левом запястье шёлковую нить с крошечной серебряной подвеской в виде рыбки — символа живой, текучей эмоции. Она говорила: «Рыбка не даёт чувствам застаиваться и превращаться в болото». А Спиноза, которого бабушка уважала, писал: *«Эмоция перестаёт быть страстью, как только мы составляем о ней ясное и отчётливое представление»*. Я тогда смеялся, но теперь, ощущая, как оранжевая сфера пульсирует в такт дыханию, я понимаю: талисман — это якорь внимания. Материальный предмет, на который проецируется внутреннее состояние, со временем начинает отражать его обратно, усиливая нужный настрой.

Именно в тот период я встретил Алису. Встретил случайно — если вообще можно говорить о случайностях, когда пробуждена интуитивная сфера (а она уже начинала приоткрываться). Шёл по аллее парка «Сокольники», отработывая эмпатическое зрение. Деревья стояли голые, чёрные, но в их аурах уже теплился будущий весенний пульс. И вдруг — яркая, как вспышка магния, оранжево-золотая аура. Такой я ещё не видел: в ней смешивались глубокая печаль, затаённая радость и что-то, напоминавшее... узнавание?

На скамейке, глядя на затянутый тучами горизонт, сидела девушка лет двадцати. Русые волосы собраны в небрежный пучок, старое зелёное пальто, на коленях — книга с закладкой, а на шее — подвеска из лунного камня в медной оправе. Камень молочно светился в сером дне, и я сразу подумал: «Она тоже что-то знает». Лунный камень считается камнем интуиции и женской силы, его часто носят те, кто работает с эмоциями и подсознанием. Я замер, не в силах отвести взгляд. Она почувствовала — подняла голову, и я увидел её глаза: серые, с янтарными крапинками, и в них — та же самая искра знания.

Вы что-то хотели? — спросила она тихо, без вызова, скорее устало.

Извините... — пробормотал я, — Просто у вас очень необычная аура. И камень у вас красивый.

Она улыбнулась — не как сумасшедшему, а с пониманием, от которого у меня перехватило дыхание.

Значит, вы тоже это видите? Давно? А камень — мамин. Она говорила, что лунный камень помогает слышать сердце. Я пока не очень слышу, но он хотя бы греет, когда грустно.

С того дня мы начали встречаться. Сначала в парке, потом в кафе, потом у меня. Алиса оказалась художницей-иллюстратором, жившей в крошечной мастерской на «Бауманской». У неё была спокойная, чуть печальная манера говорить, и она никогда не удивлялась моим рассказам об эзотерических опытах. Более того, она призналась, что сама с детства ощущает энергии, но у неё центры заблокированы — результат психологической травмы после гибели родителей. Она могла только чувствовать, но не воздействовать. Зато у неё была целая шкатулка с амулетами, доставшимися от мамы: кольца с бирюзой от сглаза, брошь в виде скарабея на творчество, красная шерстяная нить на запястье — из тех, что повязывают при посвящении в каббалистические практики. Она не считала их магическими, но хранила как память. Позже, когда начнётся работа с высшими сферами, именно эти вещицы помогут нам настроиться на нужные вибрации.

Вторая сфера помогла мне понять её боль. Я чувствовал, как под внешним спокойствием в ней колышется океан невыплаканных слёз. И я, осторожно, словно настраивая хрупкий инструмент, посылал ей волны тепла, покоя, безопасности. Она этого не осознавала, но в моём присутствии ей становилось легче. А я, кажется, начал в неё влюбляться. И это было совсем другое чувство, чем те животные всплески, которые испытывал раньше. Это было похоже на солнечный свет, льющийся сквозь витраж.

Но у второй сферы было и тёмное дно. Однажды, когда Алиса без объяснений отменила встречу (позже выяснилось, что у неё поднялась температура), во мне всколыхнулась обида. Маленькая, но цепкая. А вечером, случайно увидев её в соцсетях с каким-то давним другом, я почувствовал укол ревности. И вторая сфера, как послушный усилитель, раздула это до размеров урагана. Я поймал себя на мысли, что могу послать ей волну такой тоски, что она сама прибежит ко мне, моля о прощении.

Книга предупреждала: «Эмоции — не оружие, а мост. Строя мост из лжи, ты упадёшь в пропасть». Я похолодел, осознав, насколько близок был к падению. Схватил куртку, выбежал под дождь и час стоял под ледяными струями, сжимая в кулаке звёздчатый кулон, который теперь казался единственной твёрдой точкой в размытом мире. Потом позвонил Алисе, извинился за резкость (она даже не заметила, но я-то знал, что был мысленно несправедлив) и пообещал себе: никогда не использовать эмпатию для манипуляции теми, кого люблю. Как сказал Конфуций: *«Не делай другому того, чего не желаешь себе»*, — этот принцип стал для меня камертоном.

Лирическое отступление третье: разговор с Алисой о любви и берегах

Мы сидели на подоконнике в её мастерской, пили чай с мятой. За окнами падал мокрый снег, фонари качались от ветра. Я всё ещё ощущал холодок вины, и Алиса, заметив это, взяла с полки маленькую куколку-мотанку — оберег из ниток и ткани, без лица.

Знаешь, что такое мотанка? — спросила она, вертя куколку в пальцах. — Её делают, когда хотят защитить дом или человека. Но главное — её нельзя делать с дурными мыслями, иначе защита обернётся вредом. Мне кажется, наши отношения — тоже как такой оберег. Если плести их с обидой или страхом, они начнут душить. А если с любовью — будут хранить.

Ты говоришь, как моя бабушка, — улыбнулся я. Значит, у твоей бабушки было доброе сердце.

Она помолчала и добавила:

Я всегда боялась любви. Мне казалось, что это потеря себя. А теперь думаю, что настоящая любовь — это когда ты находишь себя в другом. Как будто твоя душа и его душа — две половинки одного витража. По отдельности — цветные стёкла, а вместе — свет. Знаешь, Рильке писал:

«Любовь — это когда два одиночества встречаются, соприкасаются и защищают друг друга».

Вот это — про нас.

Я молчал. Её слова падали прямо в сердце, минуя разум. Во второй сфере разливалось тепло, а кулон на груди тихо запульсировал, словно соглашаясь.

Ты чувствуешь сейчас то же, что я? — тихо спросила она.

Я кивнул. Мне не нужны были слова. Наши ауры соприкоснулись и начали мягко переплетаться, как струйки дыма. Так я узнал, что любовь — это высшая форма эмпатии, когда ты принимаешь другого целиком, без желания переделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.